

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И МЕНТАЛИТЕТ

А.С. Разин, А.В. Белов

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в статье анализируется генезис философских концепций модернизации через призму хозяйственной деятельности. Рассматривается соотношение модернизационной и постиндустриальной моделей социокультурного развития. Выявляется своеобразие культуры национального хозяйства, задается проблема этноконфессионального хозяйствования.

Ключевые слова: философия, этноконфессиональные отношения, этноконфессиональный фактор, модернизация, постмодернизация, постиндустриализация, самобытность, хозяйствование, нелинейность, локальная модернизация.

Классическое понимание модернизации является предельно жестким. Оно требует взаимной увязки всех параметров, меняющихся при переходе от традиционного общества к современному. Неосуществимость этих требований при модернизации на основе модели догоняющей модернизации привела к образованию постмодернизационной теории развития. Постмодернизацией называют переход традиционного или современного общества в постсовременное¹. Постсовременное общество строится путем объединения черт двух первых: традиции и инновации, светского характера социальной жизни и признания этноконфессиональных ценностей в культуре, цикличности и поступательности в развитии, авторитаризма и демократии, национализма и индивидуализма, индустриализации и ограничения пределов роста, предзаданного и приобретенного статуса, ценностной и целевой рациональности, локальности и универсальности (глобальности) и т.д.² Данная

теория имеет и другие названия: модернизация на основе собственной идентичности, модернизация без вестернизации³.

Сущность постиндустриального общества, по мнению исследователей, составляют новые тенденции культурного развития, связанные с нарастающей несовместимостью экономикотехнологических и социокультурных реалий конца XX в. с ценностями культуры «модерна»⁴. Современными теоретиками культура новейшей эпохи, в целом, и этноконфессиональные факторы экономического развития, в частности, осознаются как отказ от «модернити» или даже ее отрицание. Оно вызвано невозможностью принять в новых условиях безличное, оторванное от человеческих (религиозных и национальных) ценностей производство и бытие «экономического человека», основанное на рационализме и ценностном универсализме⁵.

В философских и эстетических концепциях новое явление в культуре получило название

¹ См.: Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // *Вопр. философии*. 2002. № 12. С. 20.

² Разин А.С. Этноконфессиональный потенциал экономического роста в мире постмодерна // *Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография / под общей ред. проф. О.И. Кирикова*. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 148-164.

³ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 143.

⁴ См.: Яковец Ю.В. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы // *Вопросы философии*. 1997. № 1. С. 10.

⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1993. С. 20.

«постмодерна», который характеризуется распадом единства, плюрализмом ценностей, культурных форм и стилей, контекстуализмом. В теориях постиндустриального общества обращается внимание на растущую гетерогенность и мозаичность социума, деидеологизацию в смысле утраты центральных и базовых ценностей и смыслов, а самое главное — на новое изменение сути общественного богатства: это уже не производственный капитал эпохи «модернити», а знание, информация, информационные технологии, составляющие «информационный товар», «ноу-хау» и т.п.

Российские эксперты, анализируя стратегические цели преобразований в постсоветский период, указывают, что ориентиром для них является не мир «модернити» как таковой, а постиндустриальное общество, проблематика модернизации (связанная с переходом к индустриальному обществу), дополняется императивом постмодернизации: «Модернизация России в конечном счете должна создать условия для постиндустриализации (т.е. постмодернизации). В противном случае она теряет смысл, поскольку не решает на современном уровне ни одной из возникших перед Россией проблем... Стратегия российского обновления должна ориентироваться на то, чтобы сработать на опережение, учитывая не сегодняшний, а завтрашний день мировой науки и техники, социокультурного прогресса и политических структур»⁶.

В то же время, соотношение модернизационной и постиндустриальной моделей социокультурного развития неоднозначно. С одной стороны, вслед за Д. Беллом, постиндустриализация мыслится следствием позднеиндустриальной модернизации, ее закономерным продолжением и дальнейшей перспективой. С другой — авторитетные исследователи утверждают, что пребывание в рамках общей логики модернизации с ее моноцентричным и направленным развитием является лишь предпосылкой для перехода к постиндустриальному типу развития как принципиально новому качеству социокультурного бытия⁷.

Поскольку постиндустриальное развитие связано с достижением определенного уровня научных и технологических достижений и ре-

альным внедрением информационных и телекоммуникационных технологий, ему должна предшествовать индустриализация, создание интеллектуальной и социокультурной технико-технической базы, реальное распространение новых видов хозяйственной деятельности и высокого уровня потребления. Российский философ А.С. Панарин еще в 90-е гг. XX в. отмечал, что «развитие между традиционными и современными обществами... несравненно глубже и значимее, чем последующие различия между индустриальным и постиндустриальным обществами. Поэтому при сопоставлении любых альтернативных проектов надо учитывать общую доминанту модернизации, без чего мы неизбежно попадаем в ловушку консервативно-романтического утопизма»⁸. Опыт показывает, что позднеиндустриальная модернизация и постмодернизация могут развиваться параллельно, ибо индустриальное развитие является базой для формирования как технической, так и социальной базы постиндустриального, но все же они являются качественно различными типами общества.

В этих условиях проблематика духовной, в первую очередь этноконфессиональной мотивации и легитимизации хозяйственной и предпринимательской деятельности обрела новую актуальность. В ее русле встает вопрос о характере хозяйственной культуры постмодерна и о том, как возможно развитие самобытных цивилизаций в условиях новых социально-культурных и экономико-технологических реалий.

Этноконфессиональные отношения могут выступать в качестве важного фактора, способствующего утверждению и самому широкому проявлению персонцентристского характера новой, постиндустриальной цивилизации, которая впервые в истории на базе достижений НТР и успехов в демократизации общественной жизни закладывает реальные предпосылки осуществления извечных гуманистических идеалов, что, в свою очередь, является условием выживания человечества. Взгляд на человека как на результат творения Бога, созданного по его образу и подобию, подчеркивает самоценность личности, священность ее жизни, принцип равенства всех людей в мире, где еще проливается кровь, не

⁶ Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5-23.

⁷ См.: Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. С. 24.

⁸ Панарин А.С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры: Научный альманах. Вып. 2. М., 1995. С. 49.

изжит расизм, нарушаются права человека, продолжают создаваться средства массового уничтожения. «Поворот к человеку», четкое осознание различных аспектов его природы и механизмов ослабления свойственных ей агрессивных инстинктов, чему может содействовать и религия, является согласно широко распространенному мнению необходимым условием решения важнейших общественных проблем⁹.

Как во внешнем, так и во внутреннем плане культуре постмодерна свойственно растущее признание значимости уникальных, единичных и локальных проявлений специфики. Постмодерн в культуре стремится снять установку на однолинейный прогресс и универсальную систему ценностей культуры «модернити», поэтому здесь отвергается вера во всеислие рациональной науки и техники, неизбежность всеобщего развития по пути, показанному Западом. Именно в период перехода развитых обществ к постиндустриальной стадии развития, в них стали признавать значение локальной социокультурной и этноконфессиональной специфики стран Востока и возможность для них развиваться по собственному пути, в сознание вошел тот факт, что индустриализм и научно-технический прогресс не является единственным возможным путем развития человечества. Мир постмодерна предстает как пестрая мозаика, система равноправных и равнозначных элементов, а не как «гонка за лидером» в однолинейном пространстве. Именно в этот момент особое значение приобретает этноконфессиональный фактор.

Во второй половине XX в. в западной, особенно американской, литературе и общественной мысли стала проявляться озабоченность падением профессиональной и трудовой этики, ростом потребительства, культуры досуга в ущерб заинтересованности в труде как форме самореализации, особенно у молодежи. Эти процессы часто рассматривались как симптомы конца «трудового общества» и «экономического человека», ориентированного на удовлетворение, в первую очередь, материальных потребностей и рассматривающего труд и предпринимательскую деятельность как основные формы существования, способы самоутверждения и самореализации¹⁰.

Интенсивное внедрение новых технологий, идущее параллельно с реструктурированием

экономики и сокращением занятости, привело к росту свободного времени в обществе в целом и ориентации значительных слоев населения на досуг как единственную форму неотчужденного бытия. Особенно интенсивно распад прежней культуры отмечается у молодежи, которая находит ей замену не только в разнообразных формах досуга, предоставляемых «индустрией развлечений», но и в новых формах духовности, заполняющих образовавшийся вакуум после утраты прежнего значения протестантской этики и «религии труда».

Огромную популярность в развитых странах приобрели восточные мистические учения, некоторые из которых имеют сейчас поистине планетарное значение. Общество трансцендентальной медитации, Общество сознания Кришны, движения Шри Чинмоя и Гуру Раджнеша, а также школы, секты и направления неоиндуизма, дзэн-буддизма и других восточных мистических религий, которые стали частью культуры постиндустриального общества в рамках движения контркультуры. В них выразился духовный протест против потребительства, мещанского благополучия и индивидуализма. Они привлекли молодежь и другую часть социума своим синкретическим характером, ориентацией на освобождение импульсов подсознания и беспредельным расширением возможностей человека, превращением его в центр мироздания. Не вдаваясь в детальное исследование неоориентализма на современном Западе, отметим лишь, что после упадка «трудового общества» духовные искания Запада обратились именно к мистическим восточным традициям, которые М. Вебер считал в силу их потусторонней ориентации противоположными духовным основаниям рационального капитализма эпохи «модернити»¹¹.

Однако причины изменений отношения к труду не сводятся просто к утрате «трудовой этики» и тотальному росту массовой досуговой культуры. Они связаны с изменением характера труда вследствие внедрения информационных технологий и в особенности персональных компьютеров и формирования нового отношения к труду. Для некоторых категорий трудящихся труд стал возвращаться к индивидуальным творческим формам, приобрел качество свободного, неподконтроль-

⁹ Суперфин Л. Религия в индустриальном и постиндустриальном мире // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 41.

¹⁰ Тоффлер Э. Футурошок. СПб: Лань. 1998. С. 56.

¹¹ Schwinn T. Von der historischen Entstehung zur aktuellen Ausbreitung der Moderne Max Webers Soziologie im 21. Jahrhundert // Berl. J. Soziol. B., 2004. H. 4. S. 527-544.

ного самовыражения¹². Связанное с широким внедрением информационных технологий изменение характера труда означало начало перехода к качественно новому состоянию рабочей силы. На место «одномерному человеку» индустриального общества приходит «многомерный человек», (а по существу, фрагментированный), потребности и ценности которого должны выйти за рамки потребления, который должен освободиться от господства материальных, экономических мотивов и стремиться к развитию собственных способностей, даже если бы эти способности заключались в чисто игровых достижениях.

Таким образом, то, что первоначально воспринималось как упадок профессиональной культуры и трудовой этики, на деле оказывается изменением ценностных ориентации, базовых мотиваций деятельности и наделением профессионального труда принципиально иным смыслом — из способа зарабатывания денег для ряда категорий работников он стал превращаться в форму самовыражения. Человек стал ждать от профессии именно возможности реализации личностного потенциала, отсюда в значительной степени - падение интереса к традиционным индустриальным формам труда, воспринимаемым как стандартные, монотонные, подконтрольные и нетворческие.

Поэтому, не случайно, что большое значение придается образованию — производству не материальных ценностей, а самого человека. В середине 80-х гг. прошлого века размеры ежегодного накопления «человеческого капитала» в США, по «усеченным» подсчетам более чем в три раза превышали накопление в материальной сфере. В тот же период стоимость подготовки специалиста с высшим образованием превысила 1 млн. долларов¹³. Все более возрастает роль семьи в воспитании и дошкольном образовании, увеличиваются затраты финансов и времени на общую культурную подготовку, физическое совершенствование, культ здорового образа жизни.

Огромное значение в культуре постиндустриального общества имеет плюрализм жизненных стандартов. Поведение индивида в значительной степени мотивируется стремлением выделиться из массы, найти неповторимый, сугубо личный

стиль. Эта тенденция проявляется как в ориентациях на профессиональные достижения и самореализацию, так и в потребительских стереотипах. Надо отметить, что такие мотивы потребления и образа жизни противоречат ценностям культуры «модернити», которой было присуще стремление к унификации образа жизни, что и легло в основу возникновения стандартизированного индустриального производства. Человек постиндустриального общества, напротив, стремится к тому, чтобы проявить свою уникальность. В отличие от строгих раннебуржуазных нравов, осуждавших любую экстравагантность и любые отступления от общепринятых норм поведения, культура постиндустриального общества отличается широким плюрализмом ценностей и форм деятельности, стилей поведения и жизни.

Сегодня граждане России осознали, что идеальное общество невозможно построить на земле, что наша жизнь состоит из серых будней, что только труд может сделать общество современным, относительно справедливым, где защищены права и свободы человека¹⁴.

Проблемы будущего, формирования нового типа общества инициированы различными причинами.

Во-первых, разрушением социалистического лагеря, распадом биполярного мира, глобальными изменениями на планете.

Во-вторых, нарастанием рисков конфликтов почти во всех регионах, неспособностью современной философии, социально-гуманитарных наук и политической практики найти «ответы» на «вызовы» времени.

Действительно, нелинейность социальной жизни, кардинальна смена характера проблем, стоящих перед людьми, возрастание эклектицизма в их принципах, создающее непредсказуемость поведения, стали тем новым вызовом, на который пока социальные науки не смогли ответить. Обнаруживается и неспособность описать и объяснить трудности современного периода, что связано со слабостью существующего понятийного аппарата и теоретических моделей. Универсалистские идеи сегодня находятся в постоянной конкуренции с контекстуалистскими. Универсальное разбивается, локализуется контекстами культур. Отсюда

¹² См.: Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С. 113-144.

¹³ Kuzio T. Transition in post-communist states: triple or quadruple? // Politics. Oxford, 2001. Vol. 21 (3). P. 168-177.

¹⁴ См.: Разин А.С., Белов А.В. Методологические основания классической концепции ответственности в современном социально-философском знании // Философия и культура. 2011. № 12. С. 65-70.

наличие таких оппозиций, как коммунитаризм — либерализм, культура национальная — общечеловеческая, локальное — глобальное, благо — свобода¹⁵.

Опыт российских реформ показывает, насколько наше общество оказалось не готово к свободе, реальному проявлению инициативы и творчества. Существует аналогия между жизнью, не вошедших в социальный контракт (общественный договор) слоев западных обществ и судьбой стран, которые экономически и социально не преуспели в мировом сообществе. Аналогия состоит в том, что, подобно некоторым группам на Западе не способным использовать свободу для получения благ, многие сообщества не стяжали благ на основе принципов свободы. Как маргинальные слои на Западе, многих развивающихся стран воспринимает свободу как отсутствие всякой зависимости и всяких обязательств, как негативную свободу.

Для российского общества актуальным является постсовременный дискурс, включающий необходимость замены негативной свободы идеей общего и личного блага. Абсолютизация прав индивида должно быть вытеснено многообразными интересами существующих в обществе социальных групп.

Первый аспект вытекает из того, что тот, кто не может превратить свободу в благо, готов признать, что недостоин свободы, тем не менее желает иметь блага и настаивает на этом. Второй тезис связан с тем, что те, кто требуют блага, являются, как правило, определенными группами — этническими, национальными, религиозными, языковыми, сильно отличающимися по своим коллективным представлениям и культуре от среднего класса, вошедшего в социальный контракт достигшего сходного понимания по вопросу морали и образа жизни и составляющего в этих странах большинство населения.

Наиболее адекватной формой развития обществ, по С. Хантингтону, представляется национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, но еще нуждается в повышении этого уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических

институтов, рыночных отношений Запада¹⁶. Вестернизация в сегодняшней России — это легитимация экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. Если мы хотим жить в демократическом обществе, то должны творчески перенимать наиболее, существующие в развитых странах институциональные структуры: демократические, управленческие, экономические, образовательные.

По мнению С. Хантингтона, надо пройти определенный уровень вестернизации, а далее перейти к такой модели модернизации, типу развития, который диктуется национальными интересами российского общества. Национальный в данном контексте понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности — национальному государству. Творческое усвоение западного опыта способствует развитию национальной модели развития, показывает многообразие типов модернизации, возникающих в современную эпоху. Идеи С. Хантингтона подтверждаются как характером глобализации, так и новыми радикальными трансформациями социальных систем в разных регионах мира.

В свою очередь С. Эйзенштадт показал, что в условиях глобализации находящийся в трансформации Запад не может быть по-прежнему универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне¹⁷. Никто из других регионов мира не превратился в Запад и не может быть похожим на него. Утверждение о единственности западного пути, развитие на основе догоняющей модели и вестернизация вызывает значительные сомнения.

Западная цивилизация накопила огромный опыт модернизации. Однако такой опыт востребован до определенных пределов. Очевидно, что у каждой страны имеются отличия. Наши особенности не позволяют нам превратиться в Запад, как бы мы того ни хотели. Успехи локальной модернизации открывают новые горизонты для России. Например, модернизация Вьетнама показала уникальность его развития. Он не собирается стать Западом. Японцы, которые с революции Мейдзи вестернизировались, но сохранили свои ценности,

¹⁵ См.: Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М., 1999. С. 165.

¹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 3-25.

¹⁷ Эйзенштадт С. Революция и преобразование обществ. М., 1999. С. 112.

традиции, культуру. Поэтому оба утверждения: «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие должно быть самобытным», по мнению В.Г. Федотовой, представляются неправильными¹⁸. Западный вектор развития сегодня — это лишь усвоение отдельных нужных нам элементов западной экономики, политики, образования, культуры. За века послепетровской эпохи Россия в значительной мере модернизировалась, прошла этап индустриализации, но она нуждается в освоении западных достижений, демократии и развитой рыночной экономике. И вот понять, что нужно России, наверно, нельзя без учета позиции тех, кого мы привыкли считать почвенниками и славянофилами. Несмотря на то, что прошло два столетия, дискуссия между славянофилами и западниками актуальны до сих пор.

Сегодня многообразие форм, типов модернизации не вызывает сомнений. Главным является необходимость сочетания общего, единичного и особенного в модернизации, поиск оптимальных их сочетаний. Достоинство классической модернизации в универсальности её основных черт, таких как индустриализация, развитие науки и техники защита прав и свобод человека.

Эмпирические несовпадения модернизирующихся стран со своим образцом являются очевидным и естественным явлением. Отсюда, не случайно, что новая концепция множества модернизмов и национальных модернизаций считает различия в модернизации разных стран закономерным процессом.

Современная модернизация коренным образом изменяет роль экономической сферы в социальной системе. «Экономика отделяется или дифференцируется от общества, — по утверждению отечественного социолога Ю.В. Веселова, — она более не является непосредственной частью общества, обеспечивающей его жизнедеятельность, она не просто обслуживает общество в целях поддержания его воспроизводства, а становится самостоятельной и самодостаточной системой, имея свои собственные цели, динамику и результаты»¹⁹. Экономика как простое средство

к жизни становится самой жизнью общества, происходит гениальное преобразование — простое хозяйствование, обычная функция жизнедеятельности, становится отдельным занятием, которое круто переворачивает как жизнь отдельных людей, так и классов и общества в целом.

Этноконфессиональный фактор широко используется в хозяйствовании постмодерна в качестве традиции. Речь идет не о том, чтобы поиграть с традицией, появилась необходимость включить ее знаковую систему в экономические отношения современного мира, выделить из традиции полезные моменты. Все это расширило пространство развитого капитализма, перевело ее в область параллельного мира финансов, но и в область безграничного мира мифов, знаков и символов, накопленных различными традиционными культурами. Сегодня коллаж и монтаж стали неизбежными спутниками постмодерна, и включение в них традиции обращает комбинаторные возможности игры смыслами в «дурную бесконечность»²⁰.

Традиции предлагается выйти из тени современного общества, играть по общим правилам, которые задаются в первую очередь экономическим дискурсом. Парадокс в том, что представители реальной живой традиции могут искренне верить в предложенную легализацию и не подозревать о неизбежных последствиях включенности и конвертируемости, искренне способствовать укреплению постмодерна как новой культурной и экономической ситуации. Снятие презумпции виновности ставит традицию в отношении большей зависимости от современного мира, позволяет более эффективно контролировать распространение ее влияния, делает ее более уязвимой, оставляя право лишь на фольклорный оттенок.

При использовании этноконфессиональных ценностей и архетипических установок в целях приспособления к новой социально-экономической ситуации носители традиционного мировоззрения втягиваются в жизнь постмодернистского общества, что не может постепенно не подтачивать традиционные устои и саму ценностную матрицу, на которую опирается традиция. Конечно, наивно считать, что этот процесс не затрагивает сильные личности, но важно правильно оценить дальнейший вектор «актуализации» традиционного. Если модерн достаточно честно отрицает

¹⁸ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.И. Глобальный капитализм: Три великие трансформации, Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества. М.: Прогресс-Традиция. 2008. С. 184-187.

¹⁹ Веселов Ю.В. Экономическая социология постмодерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I. Выпуск 1. С. 34.

²⁰ Расков Д.Е. Старообрядческая традиция и Постмодерн // Философия хозяйства. 2004. № 2. С. 111-124.

любые проявления архаичного и традиционного, то постмодерн предлагает органично встроить элементы общности и коллективной памяти.

Искреннего носителя традиционных взглядов и постмодерниста теперь объединяет единая риторика, одинаковые рецепты. Безусловно, в первом случае это будет субстанциальный, сущностный подход, во втором — более функциональный, структурный с элементами веселой игры, но выводы будут практически одинаковыми. И тот и другой согласятся, что для стран, не относящихся к западноевропейской цивилизации, хозяйственные и культурные традиции часто являются мощным фактором экономического роста, что носители традиционных мировоззрений часто обладают сравнительным преимуществом в высокотехнологичных отраслях. Тому есть многочисленные примеры: начиная от своеобразной модернизации, проведенной в Японии, и заканчивая ведущей ролью программистов из стран Азии (Индия, Пакистан) в разработке нового программного обеспечения в Силиконовой долине США. Увеличивается убежденность в том, что сложившаяся ситуация дает новую жизнь традиции, в том, что «именно сакральная традиция и архаика рождают подлинно авангардные новшества и организационные открытия»²¹.

Этноконфессиональный фактор, содержащий в себе архаичное и традиционное мышление, обладает огромной силой и способностью выживания. Но не может ли эта новая ситуация привести к перерождению традиции, к мутации? Новый городской стиль жизни все более приводит к кризису идентичности, к фрагментации, т.е. к восприятию реальности как внутренне самостоятельных, ничем не связанных кусочков действительности.

Таким образом, можно утверждать, что в новой ситуации, которую обозначают как постмодерн, положение традиции оказывается двойственным. С одной стороны, признается возможность иметь традиционную систему ценностей и даже большее внимание обращается на органический синтез традиционного и рационального. С другой — каждая конкретная традиция становится одной из частей пестрого панно современной культурной и экономической жизни, между Традицией и Современностью, по образному выражению М. Вебера, заимствованного у Гете, возникает «избирательное родство», в котором в качестве сухого

остатка образуется та же рыночная, формальная, рациональность.

Необходимость воспроизводства традиции в условиях постоянно изменяющегося окружающего мира приводила к парадоксальному требованию максимальной подвижности и адаптации к новому для сохранения «неподвижного», т. е. традиционного, старого.

Д.Е. Расков указывает на то, что «для выживания системы, находящейся в неустойчивом положении, необходимо наличие чего-то совершенно неизблемого, вокруг которого происходила бы консолидация остальных составляющих системы, иначе она или трансформируется в другую или может погибнуть». Он высказывает предположение, что «именно этим можно объяснить живучесть в условиях жесточайших преследований почти 300-летней протяженности такого уникального явления, как старообрядчество»²².

В современном стирании границ между национальностями и религиями старообрядцы увидели индифферентизм и подготовку общественного сознания к приходу мирового правительства, к приходу антихриста. В технических новшествах увидели разрастание системы тотального контроля над личностью, принципиальную возможность составления досье на каждого человека, а значит, усиление управляемости и подчинение единому центру, что также свидетельствует о скором приближении конца света.

Как бы старообрядцы не относились к новым проявлениям современности, приходится признать, что староверие как наиболее целостная и аутентичная традиция православия и народной веры привлекает и постепенно вовлекается в рыночную экономику. Причем зачастую из целостной традиции происходит выделение различных элементов, которые могут быть использованы в новом для него качестве и без всякой связи с сущностью самой традиции. Такими элементами могут быть старинное пение по крюкам, орнамент, использованный в рукописных книгах, старинная русская одежда, образ жизни в отдалении от цивилизации. Каждый из этих элементов может стать предметом выставок, альбомов, фильмов, книг, а также производства любой массовой продукции.

²¹ Там же. С. 120.

²² Расков Д.Е. Старообрядчество и русский капитализм: динамика и противоречия // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения / Под ред. М.М. Загоруйко. Ежегодник. Вып. 4. М.; Волгоград, 2002.

Приходится также признать, что очень часто искреннее намерение сохранить традицию приводит к ее нейтрализации и включению в один из дискурсов постмодерна. В этом проявляется тотальность постмодернизации как обволакивания.

Таким образом, в новой культурной и экономической ситуации, которую именуют постмодерном, такие этноконфессиональные общества, как например старообрядцы, получают возможность отказаться от борьбы и влиться в современное общество. Эскапизм и любая критика современной цивилизации постепенно сами встраиваются в постмодернистскую картину мира в качестве имманентной, что заметно осложняет самоидентификацию традиции.

Сегодня возрождение религиозного сознания в определенной степени рассматривается как показатель духовного возрождения человека. По мнению американских исследователей Р. Барро и Р. Макклири, в постиндустриальном обществе религия не может не играть важной роли хотя бы потому, что по самой своей природе она наряду с трудом и культурой является важнейшим фактором взаимодействия индивида с окружающим миром, а социализация человека при всестороннем развитии его индивидуальных способностей должна всемерно углубляться, характеризуя богатство внутреннего мира человека и свидетельствуя о крепнущей солидарности людей как об условии их выживания²³.

В сложном, чреватом глубочайшими потрясениями мире не угасает стремление людей найти в этноконфессиональных ценностях не только духовную опору, но и защиту. Несмотря на могущество, обретенное родом человеческим, и сейчас, не менее чем тысячелетия назад, понятна обращенная к Всевышнему просьба: «Не заставляй меня вынести все, что я способен вынести».

Перед переходными обществами, в том числе и Россией, возникает проблема не только модернизации, но и соотношения себя с постиндустриальным, «постмодерным» миром, поиск собственного места в новой, полицентричной и гетерогенной системе глобальных связей.

Этноконфессиональное своеобразие национальной хозяйственной культуры выходит на передний план именно сейчас, в XXI в., когда

мировое хозяйство становится все более единым, представляющим собой интегрированную совокупность различных типов хозяйств, следующим различным культурным парадигмам.

Пренебрежение этноконфессиональной цельностью хозяйства, неподготовленность массового сознания к реформам, проводимым по европейскому образцу, — причина того, что экономическая политика принимает форму ожидания, подражания, а не конкретной, проработанной, осмысленной и направленной деятельности. Игнорируется тот факт, что национальное хозяйство — это прежде всего хозяйство, имеющее определенные этноконфессиональные традиции. По Броделю, «европоцентризм — частный случай экономической истории». Ставя вопрос о таком понимании традиционной составляющей в экономике, можно сказать, перефразируя слова Ф. Броделя: «Эту глубинную экономику мы не открываем, а лишь освещаем... Мы возвращаем ей ее достоинство»²⁴.

При разумной рыночной деятельности, учитывающей этноконфессиональный фактор и национальную хозяйственную целостность, включается механизм саморегуляции, который имеет глубокие этноконфессиональные корни и не может быть заменен никакими рационально продуманными мерами, как бы тщательно ни были они подготовлены. Механизм саморегуляции выполняет функцию поддержания творческого хозяйственного начала, равновесия, согласия, гармонии в обществе.

В современном обществе в значительной степени возрос интерес к этноконфессиональному хозяйству как особой объективной реальности, укладу жизни и традициям. Все это связано не столько с глобальным экономическим кризисом, сколько с кризисом самого общественного бытия, рационализацией всех сфер социума. Поэтому не случайно в центре внимания современных исследователей находится аналитическая разработка методологических принципов исследования взаимодействия и взаимовлияния национального и религиозного факторов, изучение новых, становящихся этноконфессиональных отношений.

В отечественной науке за несколько десятилетий сложилось несколько, зачастую диаметрально противоположных подходов к определению таких понятий как «нация», «этнос», «национальное» и

²³ Barro R.J., McCleary R.M. Religion and Economic Growth. May 2003, NBER Working Paper 9682 [Электронный ресурс] // <http://www.nber.org/papers/w9682>

²⁴ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 21.

«этническое». Сложность современного познания реальности заключается в том, что социальная философия и другие социально-гуманитарные науки не сформировали общепризнанной методологии анализа и интерпретации национального и этнического.

Понятие «этноконфессиональные отношения» позволяет исследовать сложное взаимодействие между этническими общностями, их институтами и этнофорами, с одной стороны, и последователями разных религий и существующих в их рамках конфессий, а также субъектами этих религий и конфессий (религиозными группами, органами управления религиозных объединений, служителями церквей и религиозных объединений на их низовом, базовом уровне), — с другой.

Однако существующие понятия «религиозный фактор» и его производные («конфессиональный фактор», «исламский фактор»), которые используются в отечественной философской, религиоведческой, исторической литературе дают возможность сделать некоторые обобщения. Как уже отмечалось, религия, будучи подсистемой общества, многообразными связями переплетается с другими компонентами общественной системы. Она всегда была значимым фактором стабильности или изменений, происходящих в обществе. В нынешнюю эпоху религия превратилась в реальный фактор конкретных общественных процессов, в том числе в сфере межнациональных отношений. Все эти изменения происходят путем выполнения религией и ее элементами соответствующих сложных и противоречивых социальных функций: компенсаторной, регулятивно-воспитательной, мировоззренческой, политико-идеологической, легитимирующе-разлегитимирующей, интегрирующе-деинтегрирующей. Нам представляется, что деятельностный или хозяйственный фактор отражает единство и многообразие функций, выполняемых религией в современном социуме.

Как известно, основы хозяйственного порядка, состоящие из различных элементов, играют существенную роль в нынешней экономической системе. Многие из них имеют собственную ценность. Это культура, образование, моральные и общественные идеалы, принципы поддержки и солидарности. «Ориентир для экономики — человек; ориентир для человека — его отношение к Богу». Цель экономики — служить этим неэкономическим ценностям.

С дальнейшим развитием постиндустриального общества религия приобретает все большее значение как концентрат общечеловеческих моральных устоев, без которого немислимо нормальное функционирование социума. Упор на общечеловеческие нормы морали, характерные для различных форм религиозного сознания, подчеркивание того, что им надлежит играть направляющую роль в многообразных сферах индивидуальной и общественной жизни — эта позиция, имеющая глубокие исторические традиции. Именно религия сегодня приобрела новое дыхание в связи с проблемой не только, но и дальнейшего существования человечества как единого планетарного сообщества.

Положение, при котором значение «эмоциональных, духовных и даже интеллектуальных факторов перевешивается материальными триумфами», должно отойти в прошлое. Критерием общественного прогресса в условиях постиндустриализма выступает уже не накопление материальных благ, а качество жизни людей, органически включающее и ее духовные аспекты²⁵.

В этой связи хотелось бы выразить сомнения с точкой зрения, согласно которой главную проблему хозяйственного развития постсоциалистических стран, находящихся в процессе трансформации, следует искать в экономике, т.е. сосредоточиваются исключительно на системной экономической компоненте процесса, пренебрегая ценностью, культурой, традициями. Их учет привел бы к контекстуальной интерпретации переходного процесса, чуждой универсалистской и внеисторической по форме экономической науке, которая, как представляется, до сих пор оказывает решающее воздействие на ход событий.

Этноконфессиональное хозяйствование ориентирует не на «формальную рациональность» экономики, не на стремление к эффективности ради эффективности, к прибыли ради прибыли, к развитию хозяйства ради хозяйства, но на цель, лежащую вне экономики и вне хозяйства как такового. В этом смысле православная этика труда не создает (подобно этике протестантской) духовной основы для формирования человека «буржуазного типа». Скорее, наоборот, она предохраняет от этого. Православное отношение к собственности и богатству дают определенные

²⁵ Barros P.P., Garoupa N. An Economic Theory of Church Strictness // Economic Journal. 2002. Vol. 112 (July). P. 558-575.

ориентиры, исполненные высокой духовности. Они могут помочь нам выработать по-настоящему нравственную мотивацию труда и вдохнуть жизнь в профессиональное творчество, предохраняя от «искушения хлебами» и от соблазна увидеть только в экономическом развитии залог счастья и благоденствия.

Нам представляется, что эти принципы не только не закрывают возможности развития рыночных отношений, но, напротив, именно на их основе возможно появление «благочестивых купцов» и предпринимателей, пекущихся не только о собственном интересе, но и о благе ближних своих, всей России. Именно такие принципы дают основание избежать социальной ненависти, зависти к преуспевающим, с одной стороны, а с другой — предохранить от разрастания социальных язв, умножения обездоленных и неимущих.

Если был прав Бердяев, утверждавший, что Россия не призвана к материальному благополучию, будет неправильно утверждать, будто она призвана к неблагополучию. Этноконфессиональные основы хозяйственной деятельности содержат в себе огромные возможности для того, чтобы достичь достойного уровня жизни всех слоев общества, но при этом не потерять духовные ориентиры внутренней жизни.

Сегодня проблема хозяйства ставится даже более радикально. Мы не только должны осоз-

нать значимость хозяйства, но и нуждаемся в пророческом протесте против экономического абсолютизма. Постмодернистское отрицание какого-либо субъекта истории лишь маскирует факт незаметного возникновения нового субъекта истории. Этот субъект — экономика, мировой рынок, мировой сверхрынок. В обществе мировые религии подвергаются нападкам за утверждение абсолютности пути к спасению. При этом существует скрытая тенденция абсолютизации мирового рынка в качестве такого пути. Тезис «вне церкви нет спасения» подменяется лозунгами «вне торговли нет спасения» и «вне информационных средств нет спасения». Однако все большее число людей исключается из спасения, предлагаемого мировым рынком, т.е. исключается из возможности достичь благосостояния без всякой надежды и без всяких средств найти помощь. В этих условиях к христианству и другим мировым религиям относятся терпимо в той мере, в какой они представляют собой часть великого целого — мирового сверхрынка.

По нашему мнению, тщательный анализ особенностей этноконфессиональных факторов хозяйствования россиян должен помочь в выработке путей и подходов к реформированию экономики, выявить контуры соответствующих институциональных изменений во всех сферах социума.

Список литературы:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Даниель Белл; пер. с англ. М.: Academia, 1993. 783 с.
2. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности / Д. Белл, В. Иноземцев. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
3. Бродель Ф. Динамика капитализма: лекции / Ф. Бродель; пер. с фр. В. Колесникова. Смоленск: Полиграмма, 1993. 124 с.
4. Веселов Ю.В. Экономическая социология постмодерна / Ю.В. Веселов // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I. Вып. 1. С. 56-68.
5. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции / В.Л. Иноземцев. М.: Academia-наука, 1999. 724 с.
6. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание / В.С. Магун // Мир России. 1998. № 4. С. 113-144.
7. Панарин А.С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством / А.С. Панарин // Цивилизации и культуры: научный альманах. Вып. 2. М., 1995.
8. Разин А.С., Белов А.В. Методологические основания классической концепции ответственности в современном социально-философском знании / А.С. Разин, А.В. Белов // Философия и культура. 2011. № 12. С. 65-70.
9. Разин А.С. Этноконфессиональный потенциал экономического роста в мире постмодерна / А.С. Разин // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография /

- [К.А. Алпатова, С.А. Барсукова, А.Л. Биб и др.]; под общей ред. проф. О.И. Кирикова. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 148-164.
10. Расков Д.Е. Старообрядческая традиция и Постмодерн / Д.Е. Расков // Философия хозяйства. 2004. № 2. С. 111-124.
 11. Расков Д.Е. Старообрядчество и русский капитализм: динамика и противоречия / Д.Е. Расков // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник / под ред. М.М. Загорюлько. Вып. 4. М.-Волгоград, 2002.
 12. Суперфин Л. Религия в индустриальном и постиндустриальном мире (тенденции западного опыта) / Л. Суперфин // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 32-44.
 13. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5-23; № 3. С. 5-20.
 14. Тоффлер Э. Футурошок / Э. Тоффлер. СПб: Лань, 1998. 186 с.
 15. Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории / В.Г. Федотова // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3-22.
 16. Федотова В.Г., Колпаков, В.А., Федотова, Н.И. Глобальный капитализм: Три великие трансформации, Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.И. Федотов. М.: Прогресс-Традиция. 2008. С. 184-187.
 17. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с.
 18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Политические исследования. 1994. № 1. С. 3-25.
 19. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизации / Ш. Эйзенштадт; пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999. 415 с.
 20. Яковец Ю.В. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы / Ю.В. Яковец // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 58-64.
 21. Barro R.J., McCleary R.M. Religion and Economic Growth. May 2003. NBER Working Paper 9682 [Электронный ресурс] // <http://www.nber.org/papers/w9682>
 22. Barros P.P., Garoupa N. An Economic Theory of Church Strictness // Economic Journal. 2002. Vol. 112 (July). P. 558-575.
 23. Kuzio T. Transition in post-communist states: triple or quadruple? // Politics. Oxford, 2001. Vol. 21 (3). P. 168-177.
 24. Schwinn T. Von der historischen Entstehung zur aktuellen Ausbreitung der Moderne Max Webers Soziologie im 21. Jahrhundert // Berl. J. Soziol. B., 2004. H. 4. S. 527-544.

References (transliteration):

1. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya / Daniel' Bell; per. s angl. M.: Academia, 1993. 783 s.
2. Bell D., Inozemtsev V. Epokha razobshchennosti / D. Bell, V. Inozemtsev. M.: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva, 2007.
3. Brodel' F. Dinamika kapitalizma: lektsii / F. Brodel'; per. s fr. V. Kolesnikova. Smolensk: Poligramma, 1993. 124 s.
4. Veselov Yu.V. Ekonomicheskaya sotsiologiya postmoderna / Yu.V. Veselov // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 1998. Tom I. Vyp. 1. S. 56-68.
5. Inozemtsev V.L. Raskolotaya tsivilizatsiya. Nalichestvuyushie predposylki i vozmozhnye posledstviya postekonomicheskoy revolyutsii / V.L. Inozemtsev. M.: Academia-nauka, 1999. 724 s.
6. Magun V.S. Rossiyskie trudovye tsennosti: ideologiya i massovoe soznanie / V.S. Magun // Mir Rossii. 1998. № 4. S. 113-144.
7. Panarin A.S. Vybor Rossii: mezhdru atlantizmom i evraziystvom / A.S. Panarin // Tsivilizatsii i kul'tury: nauchnyy al'manakh. Vyp. 2. M., 1995.
8. Razin A.S., Belov A.V. Metodologicheskie osnovaniya klassicheskoy kontseptsii otvetstvennosti v sovremennom sotsial'no-filosofskom znaniy / A.S. Razin, A.V. Belov // Filosofiya i kul'tura 2011. № 12. S. 65-70.

9. Razin A.S. Etnokonfessional'nyy potentsial ekonomicheskogo rosta v mire postmoderna / A.S. Razin // *Filosofiya, vera, dukhovnost': istoki, pozitsiya i tendentsii razvitiya: monografiya* / [K.A. Alpatova, S.A. Barsukova, A.L. Bib i dr.]; pod obshchey red. prof. O.I. Kirikova. Voronezh: VGPU, 2011. S. 148-164.
10. Raskov D.E. Staroobryadcheskaya traditsiya i Postmodern / D.E. Raskov // *Filosofiya khozyaystva*. 2004. № 2. S. 111-124.
11. Raskov D.E. Staroobryadchestvo i russkiy kapitalizm: dinamika i protivorechiya / D.E. Raskov // *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: ezhegodnik* / pod red. M.M. Zagorul'ko. Vyp. 4. M.-Volgograd, 2002.
12. Superfin L. *Religiya v industrial'nom i postindustrial'nom mire (tendentsii zapadnogo opyta)* / L. Superfin // *Voprosy ekonomiki*. 1993. № 8. S. 32-44.
13. Tikhonova N.E. *Sotsiokul'turnaya modernizatsiya v Rossii (Opyt empiricheskogo analiza)* // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2008. № 2. S. 5-23; № 3. S. 5-20.
14. Toffler E. *Futuroshok* / E. Toffler. SPb: Lan', 1998. 186 s.
15. Fedotova V.G. *Neklassicheskie modernizatsii i al'ternativy modernizatsionnoy teorii* / V.G. Fedotova // *Voprosy filosofii*. 2002. № 12. S. 3-22.
16. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova, N.I. *Global'nyy kapitalizm: Tri velikie transformatsii, Sotsial'no-filosofskiy analiz vzaimootnosheniya ekonomiki i obshchestva* / V.G. Fedotova, V.A. Kolpakov, N.I. Fedotova. M.: Progress-Traditsiya. 2008. S. 184-187.
17. Khantington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* / S. Khantington; per. s angl. A. Bashkirova. M.: AST: AST MOSKVA, 2008. 635 s.
18. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy?* / S. Khantington // *Politicheskie issledovaniya*. 1994. № 1. S. 3-25.
19. Eyzenshtadt Sh. *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* / Sh. Eyzenshtadt; per. s angl. M.: Aspekt Press, 1999. 415 s.
20. Yakovets Yu.V. *Formirovanie postindustrial'noy paradigmy: istoki i perspektivy* / Yu.V. Yakovets // *Voprosy filosofii*. 1997. № 1. S. 58-64.
21. Barro R.J., McCleary R.M. *Religion and Economic Growth*. May 2003. NBER Working Paper 9682 [Электронный ресурс] // <http://www.nber.org/papers/w9682>
22. Barros P.P., Garoupa N. *An Economic Theory of Church Strictness* // *Economic Journal*. 2002. Vol. 112 (July). P. 558-575.
23. Kuzio T. *Transition in post-communist states: triple or quadruple?* // *Politics*. Oxford, 2001. Vol. 21 (3). P. 168-177.
24. Schwinn T. *Von der historischen Entstehung zur aktuellen Ausbreitung der Moderne* Max Webers Soziologie im 21. Jahrhundert // *Berl. J. Soziol. B.*, 2004. H. 4. S. 527-544.